

— Какую роль в жизни человека Вы отводите искусству?

— Конечно, на этот вопрос можно ответить сотнями цитат из публицистического наследия умных людей. Но давайте взглянем на него с точки зрения каждодневной реальности. Допустим, если кто-либо из мужей, имея теперь возможность вместо одного выходного дня пьянствовать целых два, один из этих дней пожертвует (пусть хотя бы по принуждению жены) на цирк, оперетту или на любой посредственный эстрадный концерт — это все же время, проведенное с большей пользой, чем день, потраченный на пьянство. Древняя поговорка гласит, что человек, посадивший одно дерево, отличается от человека, не посадившего ни одного дерева. Человек, который ходит смотреть оперетку, цирк или балет на льду, отличается от человека, который туда не ходит совсем.

Однако это не дает нам права отказываться от раздумий над тем, как привлечь больше зрителей и на спектакли, которые являются не просто увеселением, но становятся фактом духовной жизни человека. Первый шаг к этому состоит в том, что даже самые легкие развлекательные формы искусства всегда и непременно должны служить воспитанию красоты и хорошего вкуса. Нужно, чтобы потребность людей в смехе и радости удовлетворялась не пошлыми шутками, но остроумными юмором и сатирой, заставляющими задумываться о жизни. Второй шаг — это превратить более серьезные и сложные виды искусства в более массовые.

В 1908 году исполнилось 60 лет со дня основания регулярных летних симфонических концертов в Тарту. При всех наших больших достижениях в области промышленного производства и сельского хозяйства в республике нужно считать прямым отставанием то, что регулярные летние симфонические концерты уже много лет не проводятся в Тарту, да и во многих других городах Эстонии. Объективных причин для этого можно найти много, начиная с отсутствия оркестрантов и летних эстрад, но самое главное все же в отсутствии инициативы, желания и понимания важности этого дела. Конечно, сегодня в Эстонии симфония и серьезная проблемная драма еще не являются массовым искусством. Именно поэтому нужно со школьных лет прививать любовь к этим видам искусства, сделать их близкими и понятными молодежи. Я не могу скрыть, что десять аншлагов пьесы философского содержания доставляют мне больше радости, чем сто аншлагов какого угодно опереточного спектакля.

Если бы я мог стать меценатом, я завещал бы, чтобы в каком-либо колхозном клубе недалеко от Тарту по воскресным и праздничным дням в течение двух часов исполнялась бы камерная музыка вне зависимости от того, сколько соберется слушателей. Наиболее распространенная наша ошибка: у нас нет терпения дожидаться, когда зритель, слушатель пойдет за нами. После того, как пройдет первоначальная любовь к новому мероприятию, эти камерные концерты некоторое время будут, возможно, исполняться при полупустых залах. Но я уверен, что через 10, 25, наконец 50 лет залы будут полны битком.

— Не станет ли телевидение и кино серьезной угрозой на пути дальнейшего развития театра?

— Безусловно, нет. Ежегодно в театре «Ванемуйне» бывают десятки тысяч жителей Валга, Вуру, Вильянди, Пылтсамаа и других городов. Они приезжают в Тарту на автобусах и машинах за сто, а из Пярну и за двести километров, в службу и метель только для того, чтобы посмотреть в театре спектакль. Неужели все эти люди принимают длительную и уютную поездку только потому, что у них дома нет телевизора, или потому, что в их городах мало кинотеатров?

Не нужно забывать, что кино существует уже более полувека, но оно не смогло заменить театр. Точно так же не сможет это сделать и телевидение.

Не уничтожайте потребность человека в коллективном переживании, а углубляйте ее, потому что эта потребность воспитывает в людях чувство коллективизма! Это чувство органически присуще людям, и потому нормальному человеку неуютно сидеть в полупустом зрительном зале, и потому он готов в переполненном зале стоять около стены — только для того, чтобы участвовать в коллективном переживании.

Каарел Ирд — режиссер, педагог, общественный деятель, руководитель театра, писатель. Все это многообразие ему в равной мере необходимо, ограничить себя чем-либо одним

он, вероятно, не смог бы. Потому что раз он режиссер — ему надо воспитывать актеров, которые говорили бы с ним на одном языке. Потому что общественная деятельность для него — естественное продолжение работы, и свою работу в театре он понимает прежде всего как общественную миссию. А эта работа рождает разного рода мысли и соображения — о театре и зрителе, о времени и о себе, — и из этих мыслей постепенно складываются статьи, а из статей — книги. Короче говоря — все, что он делает, ему нужно. Ему очень много нужно.

В этом, вероятно, и есть главный секрет притягательности Ирда.

Режиссеры, критики, деятели театра едут с разных концов

страны в маленький Тарту на семинары, симпозиумы, творческие конференции — они там проводят каждый год, ибо в работе театра «Ванемуйне», которым вот уже много лет руководит Ирд, постоянно обнаруживается что-то новое и поучительное. В «Ванемуйне» их встречают гостеприимно, а Ирд умеет снять с этих деловых мероприятий налет официально-сти.

Театр «Ванемуйне» — это драма, опера, оперетта, балет. Два здания, три труппы — огромное и сложное хозяйство. Некоторые считают, что никто, кроме Ирда, с ним бы не управился. Каждый день — множество всевозможных происшествий, новые идеи, мысли, события, и у Ирда то и дело вырывается словечко «черт!». Правда, удив-

ление или одобрение слышится в нем гораздо чаще, чем недовольство. Это понятно: он сам сделал очень много для того, чтобы в жизни академического театра «Ванемуйне» не было ничего академически устоявшегося.

С ним интересно говорить, его интересно слушать. Он может ошеломить собеседника необычным поворотом мысли и придать блеск новизны азбучным истинам.

Поэтому к нему часто обращаются с вопросами редакции молодежных газет и журналов Эстонии. Из ответов Ирда составились «Беседы с молодежью» — глава его новой книги, которая выйдет в издательстве «Искусство» и отрывок из которой мы публикуем сегодня.

«... Чем больше ты хочешь получить от других людей, тем больше ты сам должен давать им»

— Каковы, по Вашему мнению, основные закономерности дальнейшего развития театра?

— Станиславский говорил: «В момент творчества слова — от поэта, подтекст — от артиста. Если б было иначе, зритель не стремился бы в театр, чтоб смотреть актера, а сидел бы дома и читал пьесу». Одна из закономерностей развития театрального искусства в том и состоит, что оно все больше обогащается нюансами, вторым планом. Чем выше и дальше проникает человек в космос, при помощи техники, создаваемой инженерами, тем глубже в человеческие души должны проникнуть те, кто занимается человеческими душами. И именно туда должно стремиться театральное искусство, именно там, в тайниках души, часто скрываются самые богатые залежи человеческой золотой руды. Это первых.

Во-вторых. Когда я думаю о театре будущего, мне хочется видеть его мудрым театром мудрого слова, который учит человечество испытывать наслаждение от самой человеческой и радостной деятельности — мышления!

Восхищение — вещь замечательная, и с его помощью достигнуто много. Но на одном только восхищении в космос не полетишь — необходим разум, который создает технические средства для покорения космоса.

Театр должен предлагать полезное не только сердцу, но и разуму. Я думаю, что в будущем мы сумеем это делать лучше, чем сегодня.

— Актер на сцене и актер в жизни — каковы их взаимоотношения?

— Станиславский говорил, что хороший актер приносит на сцену из жизни свою простоту, плохой актер приносит со сцены в жизнь свою театральность. Можно заметить, что серьезные актеры, какие бы героические роли они ни играли на сцене, в жизни всегда очень скромны и часто просто малозаметны. Герои сцены, которые, задранным и выпяченным грудью колесом, фланкируют в жизни, — это в наши дни анахронизм.

Но Станиславский говорил и о том, что нельзя жить за кулисами ничтожной жизнью маленького человека и выходить на сцену играть гениев.

— Что является основным фактором творческого развития актера?

— Самое главное — это, очевидно, талант. Но я в своей практической работе встречался со многими очень талантливыми людьми, из которых ничего особенного не получилось по той простой причине, что они были ленивы и не хотели работать. Видел и много очень трудолюбивых людей, результаты работы которых были все-таки ме-

нее значительны, чем у талантливых лентяев.

Крупные таланты встречаются весьма и весьма редко. Большинство работников искусства — это люди с так называемым средним талантом, и поэтому в конечном счете решающим фактором оказывается работа. Именно благодаря работе менее талантливые, но трудолюбивые, часто побеждали талантливых лодырей.

Мне кажется, пришло время относиться к таланту, как к природному богатству, которое случайно или согласно каким-то, пока нам еще не известным законам возникает в том или ином человеке. Человек, обладающий талантом, — такой же владелец полезного ископаемого, как тот, на чьем личном земельном участке обнаруживаются залежи нефти, золота или алмазов. Никто ведь не позволит эту нефть просто так, удовольствия ради спустить в море или поджечь. Человека, сделавшего это, изолируют от общества, как сумасшедшего, даже в частнособственном мире.

Итак, меньше восторгов вокруг таланта, меньше шумихи вокруг него и больше требовательности — именно к самым талантливым.

Но эта требовательность ни в коем случае не должна превращаться в злобное критиканство. Подумаем над тем, чего в таком критиканстве больше — зависти или страха перед новым?

— Каким образом, по Вашему, следует облегчить молодым путь в искусство?

— Мой путь к культуре был так долг и полон всяких zigzags и противоречий, что у меня нет никаких юридических прав обижаться на тех людей, которые иногда называют меня необразованным и некультурным человеком. Когда я был мальчишкой, меня не раз удостаивали эпитета — уличный мальчишка. В юношеские годы меня чаще всего называли плохо воспитанным молодым человеком, не умеющим в достаточной степени уважать старые, всеми признанные авторитеты...

Если бы это было в моих силах, я сделал бы все возможное, чтобы путь молодежи в искусство был трудным, ибо занятие настоящим искусством — не менее сложная и опасная работа, чем первая экспедиция на Луну или на Марс. Создание настоящего произведения искусства — всегда экспедиция в неизвестное. И серьезным изъятием нашей современной художественной жизни я считаю то, что наша молодежь может порой доказывать свое право быть художником не творчеством, а дипломом. То, что наша методика преподавания искусства по отношению к некоторым искусствам произвольна, не такое большое зло, на мой взгляд. Счастье великого таланта в том и состоит, что его не способна убить даже самая плохая педагогика.

Потому что дарование часто черпает больше знаний из того, как не следует делать, чем из того, как надо делать. Но я никак не согласен с тем, что мы все еще иногда даже плохого художника ценим выше, чем по-настоящему хорошего работника какой-либо другой сферы деятельности. Особенно я не люблю людей, которые пытаются доказать мне, что они занимаются искусством потому, что любят его. Для настоящего художника творческий процесс — не приятное и доставляющее наслаждение занятие, подобное любовной игре, а дело болезненное и многотрудное.

— Вы достигли всего самообразованием. Как Вы относитесь к современной высшей школе?

— Самоучкой я стал не по собственному желанию и не ради потехи. Это было для меня единственной возможностью получить образование: мои родители умерли очень рано. Современная молодежь, к счастью, избавлена от необходимости проделывать тот же путь, что я.

Для меня Тартуский университет, как и театр «Ванемуйне», является одним из достижений человеческой культуры. Как тартусец, я горжусь нашим старинным университетом и его славной историей. Как бывшего самоучку, меня беспокоит в современной высшей школе лишь то, что слишком большая ответственность за успеваемость студентов переложена на плечи преподавателей, общественных организаций и вменена в обязанность еще бог весть каким инстанциям. В начальной школе детей приходится иногда заставлять учиться. В университете же, наоборот, успеваемость должна быть прежде всего делом самих студентов, даже если кое-кто окажется вынужден расстаться с вузом. В этом случае останутся самые светлые головы, самые упорные люди, обладающие силой воли и настойчивым характером, а они-то нам и нужны. Что же касается художественных вузов, обучающихся искусству, то тут (за исключением музыкальных специальностей и архитектуры) я настроен весьма скептически. Тот факт, что из стен Литературного института имени Горького выходят и писатели, еще не доказывает, что писателей можно готовить теми же методами, что и преподавателей математики или агрономов. Литература, как и театр сегодня, на мой взгляд, не хватает дилетантов.

— Что особенно необходимо, чтобы достичь успеха в самовоспитании?

— Воля и еще раз воля. Я занимался этим в молодости — тогда даже было издано несколько книг, которые учили, как нужно воспитывать волю. Но все приводимые рецепты (если память мне не изменяет, в одном таком

«рецепте» рекомендовалось часами смотреть в одну точку) требовали такой нечеловеческой силы воли, что я за отсутствием у себя воли не смог выполнить их.

Я думаю, что воспитывать силу воли только ради нее самой вообще невозможно и даже вредно. Самым большим стимулом, мне кажется, является интерес к чему-то такому, что нам очень нравится в жизни, что мы очень любим. Страстное желание достичь того, что мы любим, и есть самая главная сила, мобилизующая нашу волю. Вспомним только, к каким подвигам приводила людей, например, любовь к своей родине и своему народу. Эта любовь сообщала им огромную волю, преодолевшую даже страх перед смертью.

Без великой любви к своему делу нет никакого самовоспитания.

— Как Вы боретесь против хронического недостатка времени? Что, по Вашему мнению, может помочь в борьбе против этого врага?

— Я подметил, что от недостатка времени страдают две категории людей: у одних много интересов и много работы, у других только много интересов. Первые преодолевают хроническую нехватку времени хорошей организацией рабочего дня, отделением существенного от несущественного и концентрацией своего внимания на главном. Другие же проявляют только внешний интерес ко всему, по существу же, у них нет серьезного интереса ни к чему. Из наших деятелей искусства я знаю Густава Эрнесакса и Вольдемара Пансо как людей с особо разносторонними интересами. К тому же они очень активные люди. Но у них обоих имеется один главный интерес: у одного — музыка, у другого — театр. И их расписание времени организуется именно вокруг этого главного интереса.

Если послушать беседы некоторых молодых актеров за чашкой кофе в кафе, то может показаться, что они обладают очень широкими интересами. Но стоит зайти поздно вечером после окончания спектакля снова в кафе (должен признаться, что вследствие неумения организовать свое время я могу это себе позволить только тогда, когда бываю вне Тарту), можно часто встретить тех же людей, которые уже были в кафе днем и сидели за тем же столиком, что и вечером. Только в их беседах проскальзывает новая тема — нехватка времени, из-за нее они не могут ни на чем сконцентрировать свое внимание и серьезно заняться тем, что их интересует. Не кажется ли вам, что такие случаи попросту требуют вмешательства общественности, комсомола. Может быть, с их помощью удастся заставить работать некоторых молодых людей, пока их работоспособность в силу внутренней неорганизованности не атрофировалась полностью?

— Что такое оригинальность? Лично и личностно?

— Я думаю, что ошибаются те педагоги от искусства, которые уже со школьной скамьи пытаются делать из учащихся учебных заведений, связанных с искусством, великие личности... Мои наблюдения убеждают меня в том, что сумма всех качеств, которые формируют личность, складывается уже в юности. У человека либо есть свое лицо, либо его нет, и тогда он начинает занимать его у других. Человек, у которого есть свое лицо, оригинален. Человек, который одалживает себе лицо, может только оригинальничать. Я верю Станиславскому, который сказал, что творит наша творческая природа. Я верю нашему писателю Туттласу, подчеркивавшему, что творческий процесс искусства — это не чисто рассудочный процесс. Каждый человек должен прежде всего оставаться самим собой, и как в произведении искусства оригинал всегда ценнее копии, так и в жизни свое собственное «я», каким бы маленьким оно ни было, всегда ценится выше, чем маленький Эрнесакс, маленький Пансо, маленький Ирд. По-настоящему остроумные люди никогда не пытались быть остроумными, они просто были ими. Среди птиц тоже есть такие виды, которые не имеют своих собственных песен, а заимствуют их у других...

— Если Вы должны были бы воспитывать какого-либо человека, какие наставления Вы бы ему дали, чтобы из него получился человек?

— В нашей семье есть маленькая собачонка по имени Топсик. Она такая лохматая, что когда лает, то даже

своему человеку трудно понять, с какого конца исходит лай. Иногда мне приходится слышать, как моя дочь призывает: «Топсик, будь человеком!». Мне всегда кажется, что в этом возгласе содержится беспомощность, доходящая до отчаяния из-за невозможности справиться с собакой. И еще представление о том, что человек разумнее и терпимее собаки. Наверное, вот так я и сказал бы тому, из которого хотел бы сделать человека: «Будь человеком!». И еще я сказал бы ему: пусть не думает, что он человек только потому, что наделен даром речи. Поупай тоже может научиться говорить и даже говорит, более того, иногда своими высказываниями печально попадает в цель...

Упаси боже, кому-нибудь подумать и то, что он человек только потому, что на нем одежда. В цирке я видел обезьяну, одетую в платье, причем, она была даже настолько умна, что, садясь на ночной горшок, приподнимала подол.

Быть человеком — это значит быть общественно мыслящим существом. Это значит всегда понимать, что вне человеческого общества ты — ничто. Это значит не забывать того, что чем больше ты хочешь получить от других людей, тем больше ты сам должен давать им.

— Что Вы читаете, когда, сколько? Это для Вас работа, наслаждение, потребность, обязанность?

— Когда я вспоминаю свою молодость, то более всего сожалею о том, что ныне, когда у меня мало времени и сил, меня окружает столько книг, за доступ к которым я в свое время отдал бы душу дьяволу. Я покупаю теперь самые разные книги, и в моей комнате все время растет количество непрочитанных книг (по всей вероятности, многие из них так и останутся непрочитанными).

— Как Вы оцениваете свою работу в театре?

— Когда я думаю обо всех своих постановках, я нахожу среди них очень мало таких, которые мне хотелось бы поставить снова. Но еще меньше таких, над которыми мне не хотелось бы работать дальше, потому что я не знаю ни одной своей постановки, которую мог бы со спокойной совестью считать завершенной. Я утешаю себя тем, что в течение всей истории мирового театра плохих постановок всегда было больше, чем хороших, не говоря уже об очень хороших. Но до тех пор, пока театр сам знает, что в нем хорошее и что плохое, можно быть спокойным, вне зависимости от того, аншлаги там или пустые залы, хвалят ли этот театр критика или ругает. Такой театр еще не остановился в своем развитии, не умер, потому что основой всякого развития является неудовлетворенность собой.

— Как Вы относитесь к нынешней молодежи?

— Я недоволен молодежью только тогда, когда кто-либо из молодых брюзжит по любому поводу. Хотя в течение дня я десятки раз могу разозлиться, видя недостатки и ошибки в нашей ежедневной практической работе, тем не менее я твердо знаю, что наш строй — это единственно перспективный путь развития наших народов и всего человечества. Я знаю также и то, что все уступки, которые ныне вынуждена делать рабочему классу буржуазия капиталистических стран, возможны только потому, что в мире существуют строящие социализм государства и их реальные достижения в области хозяйства и культуры. В то же время мне хочется снова и снова напомнить молодежи слова умудренного жизненным опытом М. И. Калинина, подчеркивавшего, что советские народы, строя социализм, возводят нечто небывалое в истории человечества. Поэтому приходится много экспериментировать и пробовать...

Мне кажется, что в данный момент среди молодежи очень высок интерес к общественным и философским вопросам. Особенно отрадно то, что у нас, в Эстонии, во всех областях искусства и литературы (кроме театральной, увы) появились группы молодежи, которые начинают определять лицо нашего современного искусства. Молодежь обладает хорошим качеством; ее становится все больше. В один прекрасный день растущее количество, хотя бы потому, что оно становится старше и умнее, неизбежно перейдет в новое качество, и тогда родится новое, своеобразное и яркое поколение деятелей театра и кино.